

Власть и продовольственная проблема

© 2011 г. М. В. О С Ь К И Н *

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЯ 1917 года: поиск выхода из кризиса

Одной из непосредственных причин революции в феврале 1917 г. в России, стал, как известно, продовольственный кризис. Он был кризисом не производства, а распределения и снабжения. Государственная власть, зимой 1917 г. взявшая на себя бремя обязательств по снабжению не только армии, но и страны в целом, не сумела своевременно преодолеть кризис, однако те мероприятия, что предпринимались властями, свидетельствуют об осознании ими данной задачи и стремлении ее разрешить. Первыми историографами этого сюжета стали современники Первой мировой войны и революции, в том числе работавшие в продовольственных органах как при самодержавии, так и после его крушения¹. Основное внимание здесь сосредоточивалось на описании продовольственной политики властей всех уровней и анализе обстановки в России в сравнении с другими воюющими странами.

Теоретическое осмысление продовольственной политики России было заложено в работах Н.Д. Кондратьева, работавшего в составе последнего Временного правительства 1917 г.² В советской историографии продовольственная политика периода войны рассматривалась в связи с положением крестьянства и состоянием отечественного сельского хозяйства в военные и революционные годы³. Вопросы собственно снабжения также не оставались в стороне⁴. В постсоветский период эта тема остается одним из объектов исследования, что отражено в ряде статей и коллективных трудов⁵. Впрочем, сосредоточение внимания на продрозверстке, ее результатах и причинах неудачи оставляло в стороне другие действия власти. Между тем правительство, Ставка Верховного главнокомандования, сам император Николай II в преддверии решительной военной кампании 1917 г. использовали любую возможность, чтобы пополнить государственные запасы хлеба и «продержаться» зиму 1916/17 гг. Можно согласиться с Т.М. Китаниной, что «в ближайшем окружении Николая II благоприятное разрешение продовольственного кризиса расценивалось чуть ли не как спасение династии»⁶. Изучение совокупности государственных мер по преодолению кризиса снабжения зимой 1917 г. составляет предмет настоящего исследования.

Первая мировая война, в которую летом 1914 г. вступила Европа, представлялась скоротечной: ни Антанта, ни Тройственный союз не предполагали воевать более полугода. Подготовка к войне включала в себя и обеспечение продовольственной безопасности. Однако в отличие от великих европейских держав, импортировавших зерновые продукты и задумывавшихся о снабжении страны в военный период, в России, являвшейся ведущим мировым экспортером хлеба, чрезвычайные меры в продовольственном отношении не предполагались. Приоритетным и первоначально единственным адресатом снабжения была армия. До войны войска самостоятельно заготавливали для себя продовольствие и фураж, когда же действующая армия стала насчитывать миллионы людей, тяжесть снабжения рано или поздно должна была всецело лечь на плечи интендантства. Власти всех уровней были вынуждены озаботиться созданием системы продовольственного снабжения, началом чего стало введение 30 июля 1914 г. прямых государственных закупок хлеба. Спустя 2 недели заготовка хлеба для армии решением

* **Оськин Максим Викторович**, кандидат исторических наук, старший преподаватель Института законовещения и управления Всероссийской полицейской ассоциации (Тула).

Государственные заготовки продовольствия (в млн пудов)*

Кампания	Продовольственные		Крупяные		Кормовые		Все хлеба	
	млн пуд	% к заданию	млн пуд	% к заданию	млн пуд	% к заданию	млн пуд	% к заданию
1914/1915 г.	106.1	168.3	14	127.2	182.6	116.3	302.7	131
1915/1916 г.	233	253.2	34	242.9	233	98.3	500	145.8
1916/1917 г.	303.9	53.7	51	58	185.9	41	540.8	48.2
1917/1918 г.	106.3	38.7	19.6	19.6	40.1	9.7	152.6	21.2

*Составлено по: Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 228.

Совета Министров была возложена на Главное управление землеустройства и земледелия (с 1915 г. Министерство земледелия). Ему же предоставлялось право проведения заготовок продфуража вне театра военных действий, где распоряжались Ставка и интендантство, а с 17 сентября – и право заготовки во фронтовых тыловых районах. Тогда же был составлен план первой продовольственной кампании, рассчитанный на год, до августа 1915 г.

В связи с тем, что в январе 1915 г. цены на хлеб резко подскочили, превысив даже цены неурожайного 1911 г., 17 февраля командующие военными округами получили право вводить предельные закупочные цены и запрещать вывоз хлеба из любой местности, входившей в состав того или иного военного округа. Раздробленность государственных усилий и необходимость создания единой продовольственной политики стали причиной образования 19 мая 1915 г. Главного продовольственного комитета под председательством министра торговли и промышленности кн. В.С. Шаховского. Полномочия командующих военными округами по закону 17 февраля должны были предварительно обсуждаться в комитете, а министр получил право давать командующим округами указания по принятию мер о запрете вывоза продфуража и проведении реквизиций, а также регулировать цены⁷. 17 августа Продкомитет был преобразован в Особое совещание по продовольственному делу, которое возглавил министр земледелия А.В. Кривошеин. Теперь продовольственное дело подчинялось министерству земледелия, однако в пределах войсковых районов, которые в 1916 г. простирались до западных уездов Курской губ., приоритетное право заготовки сохранялось за военным интендантством и армиями. Расширение войскового района далеко вглубь страны обнажает степень противоречий между военными и гражданскими властями в деле продовольственного снабжения армии.

За 1914–1916 гг. в Российской империи было собрано более 13 млрд пудов хлеба, что говорит о достаточности хлебного запаса страны, так как вывоз резко сократился, в результате чего «недобор хлебов в военные годы, связанный с сокращением посевной площади и уменьшением урожайности, полностью перекрывался за счет сокращения экспорта». Экспорт в 1913/1914 г. составил 764 млн пудов хлебных продуктов, а в 1914/1915 г. – лишь 60 млн⁸. Использование для нужд армии хлеба, ранее отправлявшегося на экспорт, первоначально с лихвой перекрывало необходимый объем заготовок, который в продовольственную кампанию 1915/1916 г. составил около 500 млн пудов (см. табл.)⁹. Таким образом, в первые 2 года войны продовольственная система России успешно справлялась со своими задачами. Проблемы начались тогда, когда объем заданий по заготовкам должен был втянуть в себя по крайней мере весь товарный хлеб страны. И главное, когда негибкая система столкнулась с сопротивлением со стороны производителей и держателей продовольственных ресурсов.

На середину июля 1916 г. хлебные запасы составляли 402.2 млн пудов хлеба¹⁰ и в основном были складированы в войсковых районах, составляя продфуражные резервы фронта. В первой половине 1916 г. подвоз интендантских грузов фронту колебался от 90 до 110% назначенных перевозок; для населения – от 40 до 67%¹¹. В преддверии зимы совещание в Ставке 28–29 июля 1916 г. решило создать запасы продовольствия и фуража в тыловых магазинах вне предела театра военных действий, прежде всего в Рыбинске¹². По подсчетам исследователей, в 1916 г. запасы хлебных продуктов достигали 800 млн пудов¹³. Однако эта громадная цифра сама по себе ни о чем не говорит. Еще Н.Д. Кондратьев отмечал «высокую инертность» рынка хлебов, в большой степени зависевшего от крестьянского хозяйства. Он показал сокращение производства во владельческих хозяйствах во время войны, определенные изменения в крестьянском хозяйстве (например, усиление собственного потребления вследствие притока денежной массы в деревню) и, как следствие, сокращение количества товарного хлеба. Общее падение товарности хозяйства крестьян, дававшего на рынок 78.4% главных зерновых культур, и слабость железнодорожного транспорта сыграли «роковую роль в развитии кризиса рынка хлебов во время войны»¹⁴.

В условиях, когда хлеб в стране был, но на рынок не поступал, правительство вынуждено было думать об отказе от рыночных отношений и переходу к жестко централизованной политике. На деле это означало введение твердых цен и контроля за оборотом продовольствия. Система запретительных мер, начавшая внедряться в России уже с началом войны, постепенно раздробила единый общероссийский рынок на ряд локальных. Следующим шагом стало установление контроля за хлебным производством и особенно потреблением, что диктовалось не только потребностями фронта (армия потребляла до ½ производимого страной товарного хлеба¹⁵), но с зимы 1917 г. – еще и городов и промышленных губерний. Следует также учитывать, что эвакуация 1915 г. сосредоточила в прифронтовых районах и городах Европейской России до 5 млн беженцев¹⁶. Все они также нуждались в централизованном снабжении. Именно в хлебозаготовительной кампании 1916/1917 г. отчетливо проявились слабые места российского зерноторгового оборота. Как видно из данных Кондратьева (см. табл.), кормовые хлеба (фураж конского состава армии) составляли половину всех армейских заготовок в кампании 1915/1916 г. В год фронту требовалось минимум 220 млн пудов овса, а с учетом увеличения количества лошадей в войсках¹⁷ очевидно, что конского довольствия в 1917 г. не хватало. В свою очередь, падение сборов урожая 1916 г. на 18% произошло, прежде всего за счет яровой пшеницы (примерно на 350 млн пудов¹⁸), так как яровые посевы вводились под овес, более выгодный с коммерческой точки зрения. Этого хлеба и не хватило зимой 1917 г. для снабжения городов (в армию шла прежде всего рожь). Причем основной проблемой явилось не наличие хлеба вообще, а умение власти взять его и распределить, а затем доставить до адресатов. Подчиняя внутренний рынок государству запретительными мерами, власть должна была озаботиться этими задачами. Однако именно этого добиться не удалось.

До января 1915 г. органы, занятые снабжением армии, закупали хлеб в основном у производителей. Затем до 60% всего закупаемого хлеба стали поставлять уже торговые посредники. Так, на 1 июля 1916 г. в пропорциональном распределении продавцов хлеба для армии ведущая роль принадлежала посредникам: землевладельцы – 89 857 625 пудов (18%), крестьяне – 74 881 375 (15%), кооперативы – 84 865 875 (17%), посредники – 249 603 875 пудов (50%)¹⁹. Такое положение дел создавало широкое поле для спекуляции продовольствием, так как львиная доля товарного хлеба шла в армию. Игра на повышение цен оказалась невероятно выгодной.

Проводя политику твердых цен (с 5 октября 1915 г. – на овес, с 6 декабря – на рожь и ржаную муку, с 3 января 1916 г. – на пшеницу и пшеничную муку, с 6 февраля – на ячмень), государство должно было озаботиться получением хлеба в свое распоряжение. Но до осени 1916 г. твердые цены распространялись только на закупки для нужд армии. Параллельное существование твердых и рыночных цен расширило поле для спекуляции посредниками и придерживания хлеба его производителями. Лишь указ

от 9 сентября 1916 г. установил твердые цены на хлебные продукты для всех сделок без исключения. Но запоздание стало роковым: «К началу 1917 г. было уже ясно, что лучшее время заготовок хлеба (сентябрь и октябрь) было безвозвратно упущено, и надеяться на усиленные заготовки в течение последующих месяцев уже не приходится. И хотя новым министром земледелия А.А. Ритихом и была сделана попытка путем назначения больших ставок за перевозку хлебных грузов привлечь хлеб к ссыпкам, но доверие населения к твердым ценам было подорвано, и хлеб поступал очень слабо»²⁰.

Уже с конца 1915 г. крестьяне стали придерживать хлеб, не спешили выбрасывать его на рынок в расчете на дальнейший рост цен. Такому подходу способствовала выдача «пайков» (государственных пособий иждивенцам, содержащимся трудом призванного на фронт солдата), общая сумма которых за войну составила от 3 до 5,7 млрд руб.²¹ Когда были введены твердые цены, право заготовки и продажи хлеба получили земства. Не желая отдавать хлеб, солдатики и старики не подпускали представителей земств к хлебозапасным магазинам. К тому же земства часто были вынуждены перепродавать хлеб частным скупщикам, чтобы иметь положительный баланс счетов и высвободить новые суммы для покупки хлеба в деревне по твердым ценам. Такая позиция не могла нравиться крестьянам, так как беднейшие слои были вынуждены после января прикупать хлеб у тех же самых скупщиков.

Хлебовладельцы же имели возможность получать ссуды под зерно из Государственного банка, что также позволяло не торопиться с реализацией урожая. А скупщики, составлявшие $\frac{1}{2}$ продавцов хлеба для армии, понимая выжидательное настроение хлебопроизводителей, искусственно повышали цены. Городские учреждения получали отсрочки возврата казне продовольственных ссуд. Неудивительно, что статистики, проводившие сельскохозяйственную перепись 1916 г., обнаружили десятки миллионов пудов хлеба, оставшегося от прошлых лет, несмотря на слабую насыщенность рынка²².

Такое положение вынуждало верховную власть более активно вмешиваться в продовольственное дело страны. В конце 1915 г. составляются первые планы по централизованному снабжению северных и западных губерний в зимнее время. Сознывая грядущие трудности с заготовкой хлеба, и ясно понимая тяжелую ситуацию с транспортом, что могло отрезать «губернии хлебных излишков» от адресатов снабжения, Особое совещание по продовольствию стремилось выполнить поставленную перед ним верховной властью задачу создания хлебных запасов. Первоначально для этого планировалось привлечь «свободные» ресурсы села, т.е. уже складированный и готовый для закупки хлеб. Летом 1916 г. уполномоченные по закупкам хлеба для армии Вятской и Пермской губ. представили в МВД ходатайство об использовании для заготовок «хлебных запасов сельских обществ губерний с избытком хлеба». После одобрения плана министром земледелия А.Н. Наумовым был составлен список из 16 губерний и 1 области (Волинская, Вятская, Екатеринославская, Казанская, Кубанская, Курская, Минская, Оренбургская, Пермская, Полтавская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Ставропольская, Уфимская, Харьковская, Черниговская), где предполагалось изъятие «избытка». Учитывалось то обстоятельство, что в каждой из них не возникнет необходимости в оказании сельским обществам помощи, связанной с неурожаем. Уполномоченные на местах должны были определить, какое количество зерна может быть продано для армии без ущерба запасам сельских обществ. Вырученные деньги обращались в подлежащие общественные продовольственные капиталы. Закупки должны были производиться по недавно введенным твердым ценам, а не по соглашению уполномоченного с обществом, как раньше. В связи с надвигавшейся распутицей и холодами уполномоченные обязывались организовать принудительный гужевой подвоз закупленного хлеба к станциям и мельницам с соответствующей оплатой за подводы. Согласно представленным данным, центральные власти могли рассчитывать более чем на 47 млн пудов хлеба. В ситуации, когда запасы хлеба, имевшиеся в распоряжении государственных органов, резко упали (на 1 марта 1917 г. они составляли всего 10 млн пудов при ежемесячной норме потребления свыше 90 млн²³) передача в распоряжение Хлебармии

(общее наименование всех органов, подотчетных Особому совещанию по продовольствию) 47 млн пудов хлеба позволяла в самое тяжелое время удержать положение на фронте под контролем.

Согласно перечню губерний Европейской России по критерию обеспеченности их собственным хлебом, приведенным А.В. Островским²⁴, из 17 регионов лишь 2 (Минская и Черниговская губ.) имели дефицит продовольственного зерна в пределах 29–37%. Прочие либо нуждались в товарном хлебе по минимуму (т.е. могли продержаться до сбора озимых), либо имели излишки продовольственного зерна. Таким образом, первоначальные расчеты верховной власти строились на недопущении чрезвычайных мер внутри страны, базируясь как на экономическом основании (благоприятное продовольственное положение данных регионов), так и на выгодной конъюнктуре (стремление крестьян избавиться от данного хлеба и самой хлебозапасной системы).

Следует учитывать, что образование натуральных запасов зерна на селе, согласно все еще действовавшему Продовольственному уставу 1834 г., воспринималось крестьянством как натуральная повинность, так как взносы являлись принудительными. Общественные (страховые) запасы продовольствия²⁵ должны были предохранять деревню в случае неурожая и голода, а на практике обычно служили запасным семенным фондом и «помочью» нуждающимся членам общины. Суть проблемы заключалась в сложившейся традиции использования сосредоточенного в сельских хлебозапасных магазинах зерна самими крестьянами. Крестьяне считали хлебные запасы своей личной собственностью, и при выдаче получали то количество хлеба, какое сдавали ранее. Акция «заимствования» совершалась только по «соизволению» императора, и поэтому инициатива ряда губерний по изъятию хлеба из сельских складов могла быть проведена лишь после одобрения главой государства. Без этого уполномоченные министерства земледелия фактически не имели доступа к зерну хлебозапасных магазинов²⁶.

В начале войны крестьяне пытались внести посильную лепту в помощь своим сыновьям на фронте посредством пожертвования хлеба на нужды армии. Например, 9 октября 1914 г. из Воронежской губ. сообщали: «Многие сельские общества изъявили желание весь свой хлеб, хранящийся в хлебозапасных магазинах, переуступить армии со значительной скидкой, а некоторые даже безвозмездно»²⁷. Однако Совет Министров осенью 1914 г., дабы не допустить истощения хлебных запасов, установил предел на добровольные пожертвования для нужд армии – не более $\frac{1}{2}$ наличного запаса. Так или иначе, нехватка зерна в хранилищах продолжала нарастать. Власти, учитывая этот нюанс, позаботились о некотором увеличении ресурсов в хлебозапасных магазинах, так как продовольственные долги крестьян, по данным А.М. Анфимова, составили к 1 января 1915 г. 266 485,6 тыс. руб.²⁸

Проблему образования государственных натуральных запасов правительство, осознало еще до войны. В 1910 г. была принята программа создания к 1920 г. развитой системы зернохранилищ (элеваторов). В отличие от сельских хлебозапасных магазинов, куда крестьяне сдавали худшее зерно, оставляя лучшее на продажу и потребление, зерно в таких хранилищах отличалось чистотой, что увеличивало его цену на 15–20%²⁹. К сожалению, сделано было немного. К концу 1916 г. хранилища хлеба были рассчитаны на 232 млн пудов, в том числе удобных – на 189,3 млн пудов. Размер заданий по заготовке хлеба для армии на 1916/17 г. составил 586 млн пудов, а для населения – 420 млн. Из этого объема 325 млн пудов составлял кормовой хлеб – овес и ячмень, что превышало весь объем заготовки хлеба для армии в 1914/15 операционном году.

Борьба за хлеб началась с наступлением осени, и закупка зерна из хлебозапасных магазинов 17 регионов являлась лишь первой мерой. Согласно постановлению министра земледелия от 9 сентября 1916 г., вывоз продуктов из одной местности в другую мог быть допущен только по получении соответствующего распоряжения из Петрограда. Уполномоченные по закупкам хлеба для армии и уполномоченные председателя Особого совещания по продовольственному делу получили право реквизиции с понижением цен на 15%. Все организации по закупкам продуктов и их вывозу должны были обращаться со своими ходатайствами непосредственно в министерство на пред-

мет получения соответствующих распоряжений. Тут же устанавливались неизменные предельные твердые цены на зерновые продукты. Новый министр А.А. Бобринский сообщал на места, что с установлением твердых цен на продовольствие и фураж «успех дела может быть достигнут определенным разъяснением производителям хлеба, а также торговцам, что объявленные твердые цены останутся безусловно неизменными до нового урожая, то есть до осени 1917 г.»³⁰

Неудивительно, что в начале 1917 г. объем видимых запасов хлеба, т.е. того товарного хлеба, который уже был на учете и подлежал вывозу по распоряжениям правительства, снизился почти на 40% по сравнению с предыдущим периодом. Еще 15 января 1916 г. началась перепись запасов главнейших продовольственных продуктов в частных и общественных складах, на железных дорогах и пристанях. Но тогда товарного хлеба на рынке еще хватало. При сокращении видимых запасов хлеба в империи в целом, в некоторых губерниях, напротив, наблюдался их рост. Общее количество наличных (торговых) запасов хлеба к 1 января 1917 г., по сведениям Центрального статистического комитета при МВД, по всей империи достигало 95 602 341 пудов: в Европейской России – 78 655 335, на Кавказе – 7 392 335, в Сибири и Средней Азии – 9 554 671 пудов. Кроме того, в Европейской России еще 56 742 557 пудов находилось в хлебозапасных магазинах³¹. 135 млн пудов хлеба – это то количество, что могло быть немедленно изъято продовольственными органами на нужды армии и потребляющих регионов и, следовательно, помочь продержаться в течение зимы.

Падение объема государственных запасов хлеба вынуждало государство форсировать политику их формирования, и потому следующим шагом на пути заготовки продовольствия стала разверстка, причем, по мнению К. Мацузато, в основу продрозверстки зимы 1917 г. лег опыт Вятской губ., что было связано с проведением администрацией заготовительной кампании посредством организации сельских магазинов. Спустя всего 2 недели после принятия решения об изъятии хлеба из сельских хлебозапасных магазинов, 29 ноября 1916 г. управляющий министерством земледелия А.А. Риттих подписал постановление «О разверстке зерновых хлебов и фуража, приобретаемых для потребностей, связанных с обороной». Согласно этому постановлению, 30 губерний должны были сдать по разверстке 771.3 млн пудов хлеба, в том числе 14 наиболее хлебных – 69.3% от этого объема. Основная тяжесть разверстания возлагалась на крестьян, так как к этому времени хлеб землевладельцев был почти целиком взят или закуплен уполномоченными. Следовательно, не имея решимости нарушить принцип частной собственности (мобилизовать склады хлеботорговцев, дававших 50% хлеба для армии), верховная власть пошла на принудительную натуральную повинность для производителя, (хотя и оплачиваемую по твердым ценам). Однако распыленность крестьянского хлеба в мелких хозяйствах привела к провалу конечной цели заготовки хлеба из-за фактора, которого у царизма в начале 1917 г. уже не было – фактора времени. Пожать плоды заготовительной политики пришлось уже Временному правительству.

От подвоза продовольствия зависели $\frac{2}{3}$ губерний Центральной России. В условиях, когда явных излишков хлеба не было, а перераспределение продуктов на большей части территории страны стало невозможным, от правительства требовалось четкое и одновременно жесткое распределение имеющегося продовольствия между адресатами, причем в порядке строгой очередности: армия, крупные города с оборонной промышленностью, потребляющие губернии. Количество хлеба, назначенного к ввозу в губернию, определялось на основании согласования по данным губернских продовольственных совещаний о потребности и возможностей перевозки продуктов. Часто уполномоченные заранее привязывали отдельные уезды или группы населения к определенным губерниям. В таких случаях часть адресатов подвергалась опасности неполучения необходимого продукта. Управляющий делами Особого совещания по продовольственному делу Н.А. Гаврилов в телеграмме от 8 декабря рекомендовал «разверстать лишь количество продукта без указания района его получения, а затем по мере заготовки направлять его туда, где в нем ощущается наибольшая нужда». Он также советовал равномерно выпускать на рынок продовольствие, дабы отдельные

группы населения не могли образовать запасы. Для решения задач по закупкам только в феврале 1917 г. уполномоченные получили 129 млн руб. авансов³².

Одновременно в связи с разверсткой губернии отказывались от взятых на себя летом обязательств по поставке того хлеба, что должен был быть закуплен у сельских обществ. Потому МВД рекомендовало организацию на местах массовых «пожертвований» хлеба из сельских запасов³³. Например, вятский губернатор сообщал в МВД, что крестьяне часто готовы отдать хлеб армии, но категорически против использования зерна для местных нужд. По мнению крестьян, в городах сидят бездельники, которые не дают деревне промышленных товаров первой необходимости, и уклоняющиеся от окопов на заводах. Кроме того, крестьяне против и поставок зерна по твердым ценам в соседние области. В депеше вятского губернатора от 6 февраля 1917 г. указывалось: «Часть ржи уже вывезена на мельницы, станции железных дорог и пристани. Население к этому относится спокойно, полагая, что хлеб идет в армию. Но то же население сильно волнуется, когда видит, что хлеб идет на местные нужды... Объясняется это обстоятельство тем, что рыночная цена на муку и рожь гораздо выше твердых цен, почему местное население и заявляет, что оно не желает кормить “дешевым” хлебом города и соседние губернии, указывая, что хлеб может понадобиться и самим, на случай неурожая... Благодаря разверстке, подвозы на рынки почти совсем прекратились»³⁴. Более того, в отдельных местностях отмечалась даже скупка хлеба в надежде на весеннее повышение цен. Иными словами, предшествующая деятельность по добровольной сдаче хлеба из сельских хлебозапасных магазинов свелась на нет требованиями принудительной разверстки.

Покупка зерна нового урожая по вольным ценам разрешалась только после выполнения разверстки. Между тем среди крестьян широко распространялось мнение о справедливости реквизиции хлеба сначала у землевладельцев и только потом у крестьян. Так, газета «Речь» 27 января 1917 г. поместила следующее сообщение из Воронежской губ.: «Крестьяне, обсуждая вопрос о разверстке хлеба на сходах, заявляют, что овес, рожь и пшено они дадут в каком угодно количестве, а пшеницы не дадут, говоря, что солдатам пшеничного зерна не посылают, и куда идет пшеница – неизвестно». В то же время представляется несомненным факт наличия хлебных запасов в деревне. Например, в рапорте на имя тульского губернатора от 26 января 1917 г. веневский уездный исправник доносил, что несмотря на крайний недостаток в городе ржи и отсутствие ее привоза на городские рынки, наблюдается «вообще уклонение крестьян и землевладельцев от продажи ржи по твердым ценам»³⁵. Тенденция к сокрытию хлебных запасов со стороны производителей и владельцев наряду с ростом благосостояния сельского населения и ограниченностью продукции на хлебном рынке, отмечалась премьер-министром Б.В. Штюрмером в докладе императору от 10 сентября 1916 г.³⁶

В большинстве губерний, где были назначены большие наряды на разверстку, местные органы отказывались от нее, предпочитая добровольные закупки хлеба посредством земств, сельскохозяйственных обществ, кооперативов, мукомолов. В результате разверстка была принята и проводилась в 21 губернии. Особое совещание по продовольствию разверстало между губерниями 505 млн пудов хлеба, но губернские и уездные совещания приняли только 320 млн, фактически же поставили около 170 млн. Разница – те самые 350 млн пудов недобора ярового урожая. В ходе проведения разверстки некоторые губернии просили сократить размеры поставляемого хлеба ввиду угрозы голода. Так, сибирский уполномоченный в середине февраля телеграфировал в столицу: «Хлеб по разверстке почти не поступает. .. по наряду ничего отправить не могу». Внутри губерний некоторые уезды отказывались от проведения разверстки, увеличивая тем самым повинность соседей. Поэтому поставки в армию зачастую уже производились из фондов, предназначенных для корма скота. Предложения же реквизиций хлеба у земельных собственников по-прежнему не проходили через соответствующие правительственные ведомства³⁷.

Массовый саботаж правительственных мероприятий российской деревней на рубеже 1916–1917 гг. проявился не только в отношении продовольственной разверстки.

Проходила также реквизиция 500 тыс. лошадей, предназначенных для вновь формирующихся на фронте пехотных соединений и пулеметных команд. Точно так же, как и по поводу разверстки, с мест сообщали, что следует либо вовсе отменить реквизицию лошадей, либо отложить до весны. Только в Московском военном округе от реквизиции отказалась 41 земская управа. В итоге реквизиция была приостановлена, а после Февраля окончательно отменена, сменившись закупками полупринудительного характера³⁸.

Разверстке сопротивлялись и общественные организации, считая, что существующая система продзаготовок разрушит рынок раньше, нежели сумеет собрать требуемое количество хлеба. В начале декабря представители Земгора писали А.Ф. Керенскому, что акт разверстки подлежит отмене. Взамен было выдвинуто предложение реквизиции крупных запасов хлеба у частных владельцев и торговцев. К этому Земгор присовокуплял, что «в указанных мерах он видит новое доказательство тому, что современное правительство ведет к неминуемой катастрофе, и что продовольственный кризис не может быть разрешен без образования ответственного министерства, опирающегося на организованные силы страны»³⁹. Однако пойти на реквизицию хлеба у торговцев и помещиков верховная власть не могла. Примечательно, что еще ранее хлебной разверстки подобная мера была введена в отношении мясопродуктов. Уже в 1915 г. организуются заготовительные экспедиции в Сибирь, Туркестан, Персию, Маньчжурию; наиболее успешной стала экспедиция выдающегося ученого-путешественника П.К. Козлова и А.А. Дундукалова в Монголию. Введение мясопустных дней на фронте и сокращение свободной продажи мяса в тылу в 1916 г. стало преддверием будущей разверстки – обязательной сдачи мяса и скота государству по твердым ценам. На 1917 г. Особым совещанием была установлена потребность в 76.5 млн пудов мяса, что неизбежно предполагало централизацию заготовок⁴⁰. Именно централизация и стала наиболее слабым местом в проведении продовольственной политики. Деятельность государственных органов была разобщена и раздроблена: Д.И. Люкшин полагает, что основная проблема в невозможности снабдить страну к 1917 г. хлебом – это развал хлебозаготовительного аппарата⁴¹. Факт смены 3 министров земледелия за 4 месяца – А.Н. Наумова, А.А. Бобринского и А.А. Риттиха – свидетельствует о «шатании мыслей» правительства и императора в продовольственной политике.

С осени 1916 г. правительство взяло под свою юрисдикцию и заготовительные мероприятия по снабжению населения, чем до того занимались местные органы самоуправления. Общий продовольственный план зимой 1916/17 г. утверждался образованным 30 июня Центральным бюро по мукомолю и Главноуполномоченным по закупке хлеба для армии, который давал наряды для войсковых интендантств. Но министерство земледелия разрешало и свободные закупки агентами местных властей, хотя уполномоченные на местах все равно не позволяли вывозить закупленное продовольствие и порой подвергали его реквизициям; в крайнем случае закупки дозволялись в местах, удаленных от железных дорог. Планирование одних учреждений не касалось деятельности других, что еще более ослабило возможности транспорта, фактическая же отгрузка хлеба для населения началась лишь в самое критическое время – в январе 1917 г.

С конца 1916 г. наряды уполномоченным на местах давались министром земледелия на основании плана, вырабатываемого на совещаниях в Ставке и не подлежавших изменению без указаний Главного полевого интенданта⁴². К началу 1917 г. заготовка хлеба была сосредоточена в руках 220 уполномоченных Особого совещания по продовольствию, из которых 140 работали на армию⁴³. Однако полностью систему регулирования так и не удалось наладить. Многочисленные противоречия правовых актов, регулирующих снабжение, порождали постоянные трения между различными органами и учреждениями – как местными, так и центральными. Вмешательство МВД, часто шедшее вразрез с политикой Особого совещания, в значительной мере парализовало усилия продовольственных органов. Согласно сентябрьскому проекту главы МВД Н.Д. Протопопова, сосредоточение продовольственного дела в руках его ведомства

и передача заготовки на местах земствам, работавшим под контролем губернаторов, должно было сопровождаться закупками хлеба по твердым ценам для армии и по рыночным – для городов. Всего МВД рассчитывало на принудительную закупку 100 млн пудов. Не получив соответствующих полномочий, МВД отдавало разрешения о реквизиции хлеба, закупленного представителями соседних губерний, даже если он приобретался по твердым ценам, невзирая на то, что законом 10 октября 1916 г. все дело заготовки продовольственных продуктов для армии и страны было возложено на министра земледелия как председателя Особого совещания⁴⁴.

Губернаторам зачастую предоставлялась возможность самим искать выход из положения. МВД выступило против организации системы местных продовольственных органов. В свою очередь Министерство земледелия готово было привлечь к своим заготовкам земства, но только не МВД. Система запретительных мер и чрезвычайных полномочий, предоставляемых органам, работающим на снабжение фронта, помноженная на бюрократические издержки «регулярного» государственного механизма, в конечном итоге подрывали доверие к власти и ее возможностям по удовлетворению нужд населения. Запреты и реквизиции всех видов «разомкнули потребителя с рынком»⁴⁵, а взятие на себя государством обязательств по снабжению населения всей страны зимой 1916–1917 гг. только усложнило обстановку.

В начале 1917 г. недостаток продовольствия испытывали все потребляющие губернии, а по некоторым хлебопродуктам – и производящие. В особенно тяжелом положении оказались промышленные регионы. Нехватку хлеба этой зимой из-за централизованных поставок испытывали и производящие губернии. Так, по расчетам министерства земледелия, Тульская губ. должна была поставить 27.93 млн пудов хлеба. Данная цифра исчислялась на основании общего размера посевной площади, данных об урожае 1916 г., наличия остатков прошлых лет, размеров потребности населения. Однако губернская земская управа констатировала, что максимальные размеры поставок могут быть предоставлены в размере 4.816 млн пудов ржи и 13.767 млн пудов овса. В итоге некоторые продукты (пшеничная мука) даже пришлось ввозить. Но если в 1916 г. продовольственные грузы доставлялись в Тулу по преимуществу из смежных местностей, то в начале 1917 г. хлеб пытались доставить из Астрахани, Мелитополя, Елизаветграда, Керчи⁴⁶.

Такое положение, где каждый был сам за себя, наблюдалось по всей стране. Например, распоряжением министерства земледелия от 2 февраля 1917 г. калужские крестьяне получили разрешение на гужевой вывоз хлеба из Орловской и Тульской губ. В Туле же, ссылаясь на нехватку ржи, запретили вывоз и реквизировали по твердым ценам уже закупленные продукты. Под давлением министерства губернатор соглашался помочь калужанам, но только в том случае, если в Тулу будут доставлены другие продовольственные грузы. В то же время, в Калужскую губ. должна была быть ввезена ржаная мука из Тамбовской, Рязанской, Тульской, Симбирской губ.; пшеничная мука – из Киевской, Полтавской, Таврической, Екатеринославской, Харьковской, Воронежской, Саратовской, Симбирской губ. и Области Войска Донского; гречневая крупа – из Курской, Черниговской, Полтавской, Киевской губ. и овес – из Тульской, Рязанской, Тамбовской губ.⁴⁷ Каждый местный уполномоченный Особого совещания имел право реквизировать продовольствие, если оно было закуплено по ценам выше твердых. Разумеется, продавать хлеб по твердым ценам никто не собирался, поэтому положение совещания заведомо содержало разрешение на реквизиции зерна, закупленного агентами из других областей. «Реквизиционное право» совещания обособляло губернии в экономическом отношении, что в условиях разрушения рынка еще больше обостряло продовольственный вопрос.

Систематическое невыполнение уполномоченными нарядов, данных Особым совещанием, в совокупности с запретительной политикой, создавали критическое положение на местах. Получался заколдованный круг: местные организации и учреждения просили Хлебярню разрешить вывоз из соседних производящих губерний закупленного там хлеба. Хлебярня рекомендовала обращаться к местным уполномоченным,

а те, в свою очередь, запрещали такой вывоз. В итоге вывоз продовольствия мог быть произведен только по получении соответствующего распоряжения от Центрального бюро и Главноуполномоченного по закупке хлеба, сахара и соли для армии. Более того, с конца ноября 1916 г. Главноуполномоченный требовал от Отдела заготовок министерства земледелия обращаться непосредственно к нему, а не производить самостоятельных закупок фуража, чтобы не нарушать общий план закупок для армии и не срывать наряды⁴⁸. Когда же министерство земледелия, убедившись, что местничество не сломать, разрешило параллельные свободные закупки в специально выделенных для того губерниях, уполномоченные санкционировали их только в местах, отстоящих на значительном расстоянии от железных дорог. В итоге, даже найдя хлеб, покупатель не мог его вывезти⁴⁹. Так, курский уполномоченный К.А. Рапп 18 февраля 1917 г. рапортовал: «Убедительно прошу избавить меня от нарядов тыловых воинских частей и учреждений, равно и районов потребления». Он просил сообщить данную информацию в соседние регионы, «дабы они не обременяли ни себя, ни меня бесцельными телеграммами и командировками в Курскую губернию»⁵⁰. Таким образом, уполномоченные шли по пути наименьшего сопротивления: запретительные полномочия они сочетали с механизмом искусственного повышения цен на продовольствие. Когда же хлеб появлялся на рынке, использовалось законодательство о твердых ценах и право реквизиции.

Помимо прочего, существовали еще и армейские органы, отвечавшие за снабжение действующей армии и тыловых гарнизонов перед Ставкой. Главным из них являлось Полевое интендантство, возглавляемое генералом К.Н. Егорьевым, запретившим вывоз продовольствия из районов, находившихся под юрисдикцией фронтового командования. Военные власти считали свой приоритет перед Хлебармией несомненным, сосредоточивая у себя продовольствие и препятствуя деятельности уполномоченных. Кроме того, в кризисное время фронты, армии и отдельные подразделения от корпуса и до полка снаряжали вглубь страны своих посланцев, скупавших продовольствие и фураж выше твердых цен. Именно поэтому на заседании Особого совещания 19 ноября 1916 г. было решено просить министра земледелия информировать императора «о тех последствиях, к которым ведет несогласованность распоряжений отдельных главнокомандующих армиями и начальников снабжений о запрете вывоза... продуктов из всех или многих губерний, расположенных в тыловом районе их армий». Указывалось, что действия отдельных генералов парализуют снабжение тылового населения, и даже соседних армий. Совещание настаивало на создании системы сношения начальников снабжения армий с председателем совещания, «чтобы не был нарушаем общий план обеспечения продовольствием, как армий, так и населения империи»⁵¹.

Угроза надвигавшегося на армию голода усердно использовалась командованием фронтов. По мнению военных властей, недосев озимых хлебов можно устранить лишь путем засева весной пустующих земель яровыми. В докладе на имя императора от 25 февраля 1917 г., начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М.В. Алексеев указывал, что вполне возможно на 150 тыс. десятинах, освобожденных в Волынской губ., посеять яровые хлеба силами войск. Алексеев заметил, что ввиду расстройств транспорта важное значение получает наличность припасов в ближайших к фронту местностях, а продовольствие есть условие для разрешения военно-стратегических задач. На решение проблемы испрашивалось 13.8 млн руб. из военного фонда. Это предложение было одобрено императором⁵². Таким образом, помимо усиления подвоза продфуражных грузов, в Ставке предполагали активное использование солдат в сельском хозяйстве. Николай II указал на докладе военного министра по данному вопросу: «Мною категорически повелено... чтобы действующая армия пришла на помощь стране в смысле выделения известного количества нижних чинов... для сельскохозяйственных работ»⁵³.

В целом, хлебный ресурс Российской империи к весне 1917 г. составил около 3 793 млн пудов хлеба при общей потребности страны в 3 237 млн пудов. Таким образом, страна была обеспечена хлебом до урожая 1917 г., но «излишний» товарный фонд до сбора озимых (0.5 млрд пудов) был очень невелик. С учетом урожая 1917 г. можно

было ожидать, что товарный фонд хлеба на 1917/18 г. составит 1.37–1.4 млрд пудов. Государственные заготовки в размере 1.1 млрд пудов должны были поглотить его почти целиком. Но до этого урожая еще надо было продержаться, для чего требовалось взять хлеб у производителей и распределить его согласно общеимперскому плану. Однако главное затруднение состояло в том, что изъятию подлежал весь товарный хлеб без исключения. Для образования хотя бы минимальных запасов без реквизиции хлеба у торговых посредников изъять пришлось бы и тот хлеб, который составлял обеспечение крестьян. Именно в этом и заключалась причина провала разверстки.

По данным А.В. Островского более $\frac{2}{3}$ излишков было сосредоточено в 6 губерниях (Херсонской, Бессарабской, Екатеринославской, Самарской, Таврической области Войска Донского). Из них только Самарская и Таврическая губ. в 1916 г. не пережили неурожая. В годы войны как раз в этих губерниях сокращались посевы продовольственных культур: на всем юге России посевы продовольственных культур у помещиков сократились на 37%, у крестьян – на 11%. Одновременно рост кормовых культур составил: ячменя на 12.3%, овса – на 55.8%. В условиях общего сокращения урожая в 1916 г. замена продовольственного хлеба кормовым до предела сокращала товарный хлеб, а ведь его еще надо было взять и распределить.

Из указанных 6 губерний зимой 1917 г. Херсонская и Таврическая снабжали Юго-Западный фронт, предназначенный для главного удара весной. Во имя этого на правом берегу Днепра Ставкой был образован стратегический запас хлеба в 52 млн пудов. Бессарабская губ. целиком работала на снабжение Румынского фронта, где зимой помимо 1.2 млн русских войск находилось до 400 тыс. солдат румынской армии и 1.5 млн беженцев. В декабре генерал Егорьев приказал увеличить объемы складочных продовольственных помещений в Раздельной и Бендерах до 2.5 млн пудов каждое; на станциях Бессарабская и Троянов Вал было сосредоточено до 1 млн пудов хлебных запасов. Зимой Северный фронт ежедневно требовал подвоза 606 вагонов продовольствия и фуража, не считая 45 вагонов, подвозимых в пределах самого фронта. По Западному фронту эти цифры составляли соответственно 612 и 23; по Юго-Западному – 621 и 266; Румынскому – 397 и 295 вагонов⁵⁴. 295 вагонов в «пределах» Румынского фронта – это в основном хлеб Бессарабской губ. В целях самоснабжения командованию Румынского фронта, оказавшегося на грани голода, пришлось отправить в деревню новобранцев последнего призыва, распустить на 5–6 недель по домам местных уроженцев, взятых в армию той зимой, привлечь к полевым работам части формирующегося в тылу Сербского добровольческого корпуса и послать солдат в имения молдавских помещиков⁵⁵.

Осенью фронт наполнялся рабочими, ведущими окопные работы – беженцами, инородцами из Туркестана и наемными китайцами. Штабы фронтов не собирались отказываться и от людских пополнений. Эшелоны с пополнениями составляли 17.4% от общего объема перевозок, находясь на втором месте после продфуражных грузов. В итоге 26 декабря 1916 г. главный полевой интендант сообщал в Ставку, что с 1 сентября по 1 декабря число ртов на фронте увеличилось на миллион человек. Это число составили более 200 тыс. румын, рабочие оборонных предприятий и члены их семей, семьи офицеров и чиновников в пределах театра военных действий, рабочие на фронте и железнодорожники, инородцы⁵⁶. В январе к ним прибавились румынские беженцы. Нельзя забывать и о 35 млн пудов хлеба для союзников: по 10 млн пудов давали Сибирь и Юго-Западный край; по 5 млн – Самарская и Таврическая губ., а также Северный Кавказ⁵⁷.

Таким образом, единственным выходом из кризиса могла стать чрезвычайная продовольственная политика. Ее провал означал крушение политического режима. Местнические тенденции, лишь усугублявшие тяжелейшее положение с продовольственным обеспечением, поддерживало население деревни производящих губерний, которое выигрывало от продовольственного кризиса. Неудача заготовительных мероприятий и угроза голода были признаны и наверху. На заседании Особого совещания по обороне государства 15 февраля 1917 г. отмечалось: «Гофмейстер А.А. Ритиг указал, что в течение первых 4 месяцев настоящей продовольственной кампании, на-

чавшейся с 1 августа 1916 г., удалось приобрести крайне незначительное количество зерна... Практика реквизиций привела к окончательному прекращению деятельности частной торговли по закупке хлеба. Таким образом, новых запасов хлеба, за исключением 85 млн пудов, вывезенных министерством земледелия, образовано не было, а запасы, имевшиеся в стране и в армии, постепенно истощались». Между тем для армии, оборонных предприятий, крупных городов и потребляющих губерний требовалось 900 млн пудов хлеба⁵⁸.

Общий кризис внутри страны зимой 1916–1917 гг. стал следствием не только наличия социальных противоречий в России, но и объективной невозможности для власти справиться с проблемами, вставшими перед империей уже непосредственно в военное время. Очевидно, что верховная власть не желала проведения в жизнь чрезвычайных мер, вызываемых военным временем – внутриполитическая обстановка отнюдь не способствовала чрезвычайному законодательству. (Впрочем, продовольственный вопрос и позже оставался для России роковым: попытка Временного правительства ввести в воюющей стране хлебную монополию постановлением 25 марта 1917 г., в конечном счете, также привела к падению уже нового режима.)

Таким образом, власть, не сумев поставить дело централизованного мобилизационного управления, металась в поисках решения продовольственной проблемы между попытками сосредоточить управление и контроль в руках единого центрального органа и предоставлением инициативы местным структурам. Стремление императора использовать для ее решения труд солдат еще более отдаляло возможность благоприятного выхода из ситуации. На установление же жесткой продовольственной диктатуры правительство не могло пойти в силу внутриполитической обстановки.

Примечания

¹ Прокопович С.Н. Война и народное хозяйство. М., 1918; Орлов Н.А. Продовольственное дело в России во время войны и революции. М., 1919; Хрящева А. Крестьянство в войне и революции. М., 1921; Шестаков А.В. Очерки по сельскому хозяйству и крестьянскому движению в годы войны и перед Октябрем 1917 года. Л., 1927; Букипан Я.М. Военно-хозяйственная политика. М.; Л., 1929; Биншток В.И., Каминский Л.С. Народное питание и народное здравие. М.; Л., 1929; и др.

² Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991; он же. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М., 2002.

³ Вайнштейн А.Л. Народное хозяйство. М., 1960; Анфимов А.М. Российская деревня в годы Первой мировой войны. М., 1962; Першин П.Н. Аграрная революция в России. М., 1966; Хромов П.А. Экономическое развитие России. М., 1967; Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975; Тюкавкин В.Г., Щагин Э.М. Крестьянство России в период трех революций. М., 1987; и др.

⁴ Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962; Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. Раздел 2, Гл. 3; Лаверычев В.Я. Государственно-монополистические тенденции при организации продовольственного дела в России (1914 – февраль 1917 г.) // Исторические записки. Т. 101. М., 1978; Китанина Т.М. Война, хлеб и революция. Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г. Л., 1985; Лейберов И.П., Рудаченко С.Д. Революция и хлеб. М., 1990.

⁵ Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. М., 1994–1995; Кабанов В.В. Кооперация. Революция. Социализм. М., 1996; Борисов В.И., Чернобаев А.А. Хлеб, война, революция, М.; Луганск, 1997; Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). СПб., 1999; Лубков А.В. Война, революция, кооперация. М., 1997; Давыдов А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917–1921 гг.: Мешочники. СПб., 2002; Арская Л.П. Войны и продовольственные кризисы. М., 2005; Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII–XX веках. Оренбург, 2006; Опыт мировых войн в истории России. Сборник статей. Челябинск, 2007; Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII – XX веках: проблемы источников и историографии. Оренбург, 2007; и др.

⁶ Китанина Т.М. Указ. соч. С. 300.

- ⁷ Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. М., 2006. С. 562.
- ⁸ *Погребинский А.П.* Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. Т. 31. М., 1950. С. 45.
- ⁹ *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов... С. 228.
- ¹⁰ *Анфимов А.М.* Указ. соч. С. 309.
- ¹¹ *Сидоров А.Л.* Указ. соч. С. 487.
- ¹² Журнал Совецания 28–29 июля 1916. Б.м., 1916. С. 22.
- ¹³ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1967. С. 467; *Лейберов И.П., Рудаченко С.Д.* Указ. соч. С. 9, 14.
- ¹⁴ *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов... С. 48, 100, 105, 139.
- ¹⁵ *Китанина Т.М.* Указ. соч. С. 71.
- ¹⁶ *Курцев А.Н.* Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1917) // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 102–104, 108.
- ¹⁷ *Оськин М.В.* Русская лошадь в Первой мировой войне // Военно-исторический журнал. 2009. № 7. С. 42–45.
- ¹⁸ Сельское хозяйство в России в 20 веке. Сборник статистико-экономических сведений за 1901–1922 гг. М., 1923.
- ¹⁹ *Букишпан Я.М.* Указ. соч. С. 388.
- ²⁰ *Михайлов И.Д.* Основные вопросы транспорта. М., 1918. С. 65–66.
- ²¹ Сельское хозяйство на путях восстановления. М., 1925. С. 51; *Есиков С.А., Щербинин П.П.* Источники изучения продовольственной безопасности крестьянских семей в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII–XX веках. Оренбург, 2006. С. 68.
- ²² Государственный архив Тульской области (далее – ГА ТО), ф. 1742, оп. 1, д. 5а, л. 251, 397, 475–483; Экономическое обозрение. № 1. М., 1916. С. 62.
- ²³ *Волобуев П.В.* Указ. соч. С. 21; *Иоффе Г.З.* 17-й год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995. С. 5.
- ²⁴ *Островский А.В.* Указ. соч. С. 483.
- ²⁵ *Миронов А.А., Иванченкова В.С., Яковлев В.С.* История государственных материальных резервов России. М., 1998. С. 22.
- ²⁶ *Мауэзато К.* Сельская хлебозапасная система в России, 1864–1917 годы // Отечественная история. 1995. № 3. С. 189 и др.
- ²⁷ ГА РФ, ф. 102, 4-е делопроизводство, оп. 1914, д. 108, ч. 14, л. 15 об.
- ²⁸ Россия накануне Первой мировой войны (Статистико-документальный справочник). М., 2008. С. 304.
- ²⁹ *Давыдов А.Ю.* Свободная кооперация в России (до октября 1917 года) // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 32; *Омельянчук И.В.* Крестьянский вопрос в программах консервативно-монархических партий России (1905–1914 гг.) // Вопросы истории. 2006. № 7. С. 93.
- ³⁰ ГА РФ, ф. 6809, оп. 1, д. 68, л. 87–92; ГА ТО, ф. 1122, оп. 2, д. 6, л. 34–46.
- ³¹ ГА РФ, ф. 102, 2-е делопроизводство, оп. 1915 г., д. 292, л. 215–223; ф. 1778, оп. 1, д. 31, л. 2–16.
- ³² ГА РФ, ф. 6809, оп. 1, д. 38, л. 21–21 об.; ГА ТО, ф. 1122, оп. 2, д. 5, л. 1, 9–9 об.
- ³³ *Мауэзато К.* Указ. соч. С. 195.
- ³⁴ ГА РФ, ф. 6831, оп. 1, д. 101, л. 181–183.
- ³⁵ ГА РФ, ф. 1122, оп. 2, д. 6, л. 110.
- ³⁶ Монархия перед крушением, 1914–1917. М.; Л., 1927. С. 150–152.
- ³⁷ ГА РФ, ф. 6809, оп. 1, д. 29, л. 51; ГА ТО, ф. 1122, оп. 1, д. 9, л. 41–43.
- ³⁸ Подробнее см.: *Оськин М.В.* Крах конного блицкрига. Кавалерия в Первой мировой войне. М., 2009. С. 130–134.
- ³⁹ ГА РФ, ф. 1807, оп. 1, д. 295, л. 9, 12–12 об.
- ⁴⁰ *Оськин М.В.* Армия и продовольственное снабжение // Военно-исторический журнал. 2006. № 3. С. 52–54.
- ⁴¹ Опыт мировых войн в истории России. С. 519.
- ⁴² ГА РФ, ф. 1797, оп. 1, д. 386, л. 12 об.-14.
- ⁴³ *Михайлов И.А.* Государственные доходы и расходы России во время войны. Пг., 1917. С. 57.
- ⁴⁴ *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. Т. 2. М., 1956. С. 597.
- ⁴⁵ *Полонский Г.* Регулирующие мероприятия правительственной и общественной власти в хозяйственной жизни за время войны. Пг., 1917. С. 16.

- ⁴⁶ ГА РФ, ф. 6831, оп. 1, д. 433, л. 1, 3; ГА ТО, ф. 1122, оп. 1, д. 3, л. 20–35, 72–85; д. 5, л. 1, 113; д. 9, л. 6–7; ф. 1742, оп. 1, д. 11а, л. 8–13.
- ⁴⁷ ГА РФ, ф. 6831, оп. 1, д. 38, л. 56–57, 61; д. 255, л. 72–72 об., 108.
- ⁴⁸ ГА РФ, ф. 1797, оп. 1, д. 387, л. 128.
- ⁴⁹ ГА РФ, ф. 6831, оп. 1, д. 221, л. 64–65, 97–98, 238–246; д. 255, л. 34–35; ф. 579, оп. 1, д. 2229, л. 4–5.
- ⁵⁰ ГА РФ, ф. 6831, оп. 1, д. 79, л. 37.
- ⁵¹ РГВИА, ф. 369, оп. 12, д. 3, л. 4–4 об.
- ⁵² ГА РФ, ф. 601, оп. 1, д. 674, л. 1–2.
- ⁵³ ГА РФ, ф. 1778, оп. 1, д. 312, л. 68–69; РГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 1565, л. 41–42.
- ⁵⁴ РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 1037, л. 290 об.-291 об.
- ⁵⁵ Там же, д. 511, л. 10–15.
- ⁵⁶ Там же, д. 277, л. 249.
- ⁵⁷ ГА РФ, ф. 6809, оп. 1, д. 8, л. 1–58; ф. 6831, оп. 1, д. 57, л. 7–8.
- ⁵⁸ Журналы Особого совещания по обороне государства. Вып. 2. 1917 г. М., 1978. С. 219–220.

© 2011 г. М. Д. КАРПАЧЕВ*

КРИЗИС ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СНАБЖЕНИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (по материалам Воронежской губернии)

О причинах революции 1917 г. в России сказано много. Существует большое количество работ, посвященных анализу глубоких социальных корней революционного движения в России. Абсолютное большинство исследователей (как отечественных, так и зарубежных) оценивали крушение самодержавно-монархического строя как закономерный и, по существу, неизбежный итог освободительного движения¹. При этом роль главного детонатора социально-политического взрыва, случившегося в феврале 1917 г., практически все исследователи отводили продовольственному кризису. Получалось некоторое логическое несоответствие: без продовольственного кризиса падения монархии могло и не случиться. И шансы довести войну до победного завершения были бы не потеряны. Чтобы снять такое противоречие, советские историки старались доказать, что продовольственный кризис в свою очередь был закономерным итогом антинародной политики властей, заинтересованных исключительно в обеспечении прибылей и выгод эксплуататоров всех мастей: помещиков, промышленной и торговой буржуазии. В работах В. Я. Лаврычева, А.Л. Сидорова, А.А. Погребинского, П.В. Волобуева, Т.М. Китаниной, Д.С. Дякина, В.И. Старцева собран большой фактический материал об экономических трудностях в годы войны. Но основной вывод всех трудов одинаков: иного развития событий при царизме быть не могло, спасти страну от голода и разорения могла только социалистическая революция². После распада СССР историки чаще стали говорить о стихийном характере Февральской революции. Действительно, сохранилось множество свидетельств о том, что падение династии поразило современников своей внезапностью. Ни либеральные, ни революционные деятели (включая В.И. Ленина³) в большинстве своем не ожидали такой скорой и оглушительной развязки.

Стремительный выброс народной энергии в феврале 1917 г. породил немало версий о потаенных пружинах революционного процесса, в том числе о германских про-

* Карпачев Михаил Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор Воронежского государственного университета.

Статья написана при поддержке РГНФ, проект № 11-11-36-004а/Ц.